

лись: если на Урале население после долгого проживания тосковало по малой Родине, то население, оказавшееся в прифронтовых городах, наоборот, стремилось как можно быстрее уехать дальше в тыл. Повседневность эвакуированного населения в двух регионах имела определенные сходства, которых было гораздо меньше: взаимоотношения с местным населением складывались сложно, эвакуированные жители находились в тяжелом социальном положении и психологическом состоянии. Указанные различия в повседневной жизни двух регионов определялись воздействием ряда факторов, главными из которых являлись: географическое положение регионов, развитие транспортных связей. Повседневная жизнь в значительной степени зависела от сроков, на которые население оставалось в регионе. Численность и уровень организации населения определяли способы решения социальных проблем. Население, эвакуированное в тыл, имело более конкретные общие цели, поставленные властями.

Источники и литература

1. Арсланова, Ч.Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ч.Р. Арсланова. – Уфа, 2006.

2. Государственный архив Вологодской области (ГА-ВО). – Ф. 366. – Оп. 1. – Д. 1188.
3. ГАВО. – Ф. 3105. – Оп. 1. – Д. 3.
4. ГАВО. – Ф. 3105. – Оп. 1. – Д. 13.
5. ГАВО. – Ф. 3105. – Оп. 2. – Д. 3.
6. Исхакова, Г.Р. Социальная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкортостана): дис. ... канд. ист. наук / Г.Р. Исхакова. – Уфа, 2002.
7. Куманев, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7 – 27.
8. Потемкина, М.Н. Эвакуанты в уральском тылу: опыт выживания / М.Н. Потемкина // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 86 – 98.
9. Потемкина, М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы / М.Н. Потемкина. – Магнитогорск, 2002.
10. Скрябина, Е. Страницы жизни / Е. Скрябина. – М., 1994.
11. Старостина, Т. Послеблокадный транзит. Дневник / Т. Старостина // Север. – 2005. – № 5–6. – С. 127 – 133.
12. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 488.
13. ЧЦХД. – Ф. 7. – Оп. 9. – Д. 27.
14. ЧЦХД. – Ф. 363. – Оп. 2. – Д. 99.
15. ЧЦХД. – Ф. 1079. – Оп. 1. – Д. 1.
16. ЧЦХД. – Ф. 1079. – Оп. 1. – Д. 2.
17. ЧЦХД. – Ф. 1079. – Оп. 1. – Д. 30.
18. ЧЦХД. – Ф. 1079. – Оп. 1. – Д. 40.

УДК 903.25

В.Н. Кузнецова

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент В.Н. Седых

ОРНИТОМОРФНЫЕ ПЛАСТИНЧАТЫЕ ПОДВЕСКИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XI – XIII ВВ.

Орнитоморфные пластинчатые подвески являются характерным украшением Северо-Восточной и Северной Руси в целом, экземпляры также зафиксированы в Приладжье и Волго-Камье. В бестиарии XI – XIII вв. увеличивается количество орнитоморфных образов, подвески-птички изображают различных представителей семейства куриных. Стилистика находок рассматривается в сопоставлении с другими категориями подвесок. Выделены экземпляры, возникшие на основе непрорезных подвесок-птичек в Белозерье и Прикамье.

Орнитоморфные подвески, орнамент, Северная Русь, Волго-Камье, средневековье, тенденция.

Ornithomorphic plate-pendants are considered to be the typical ornaments of Northern-Eastern and Northern Russia; the items are also found in Ladoga, Volga and Kama regions. The number of ornithomorphic images increases in the XI – XIII^{ies} and plate-pendants depict various Gallinae. The stylistics of the pendants is compared with the other categories of decorations. The author identified the specimens arisen on the basis of pendants birds from Beloe Lake and Kama regions.

Ornithomorphic plate-pendants, ornament, Northern Russia, Volga and Kama region, middle ages, tendency.

Украшения, изображающие птиц, были распространены в культуре населения лесной зоны Восточной Европы еще в первых веках н.э. В X в. в Юго-Восточном Приладжье возникают прорезные пластинчатые орнитоморфные подвески. Вплоть до XI – начала XII в. орнитоморфные украшения чаще всего изображают водоплавающих птиц.

Однако появление подвесок в форме «петушков»

или «курочек» не было спонтанным. Изменение изображаемого вида фиксируется даже в отличающихся стандартным оформлением северо-западных подвесках, как полых, так и пластинчатых. В первую очередь изменения затрагивают контур головы: появляются гребешок и заостренный клюв, на конечностях обозначаются пальцы, не свойственные водоплавающим. В XII – XIII вв. в северо-восточных обла-

тах Древней Руси получают распространение непрорезные пластинчатые орнитоморфные подвески. Еще одним регионом, где сконцентрированы изделия, является Прикамье. Немногочисленные экземпляры известны в Приладожье, Среднем Поволжье (землях Волжской Булгарии) и Северной Швеции.

В классификации Е.А. Рябина одноглавые непрорезные подвески составляют тип V, внутри которого исследователь не выделял варианты: «Несмотря на некоторые различия в размерах, очертаниях фигурок и их орнаментации, все подвески типа V характеризуются единым и устойчивым набором признаков» [25, с. 18]. Л.А. Голубева обозначила данные изделия как *подвески с рельефным литым орнаментом и шумящими привесками*, внутри этой категории также не были выделены типы [8]. Действительно, в конструкции щитка наблюдается устойчивое сочетание признаков: непрорезной корпус, в нижней части которого расположены петли для привесок, в верхней – ушко для подвешивания. Однако в этой группе сосредоточены множественные художественные приемы оформления. Более ранние прорезные подвески были довольно стандартными, некоторая вариативность прослеживалась в подвесках, копирующих приладожские. Изменения в них затрагивали конструкцию корпуса, по сути, они приводили к появлению нового типа.

В непрорезных шумящих подвесках изменения несистемны. Вариации декора не позволяют выделить различные типы подвесок.¹ Подвески с одинаковым оформлением голов орнаментированы различным образом, а также различаются пропорциями, что можно наблюдать на примере подвесок с гладкой головой и загнутым книзу клювом из могильников Нефедьево [17, с. 355, табл. 143, 3] и Кубенского [21, с. 36, рис. 8, 1 – 2], Ковровского городища [15, с. 101, рис. 57, 7] и бывшего Глазовского уезда [23, табл. XIV, 11], а также подвесок с рельефной полосой, обозначающей гребешок, из Котловского могильника [20, табл. 12, 5, 6], Билярска [31, pl. II, 23] и др. Напротив, изделия с различной трактовкой голов могут иметь схожий декор корпуса. Примером подобного оформления служат подвески с гребешками, которые переданы вертикальными насечками, жгутообразной полосой или выступом с зубчатым краем. Таким образом, целесообразно говорить лишь об общих тенденциях в распространении декора.

Подчас оформление изделий указывает не на региональную специфику, а на индивидуальный «почерк мастера», если такую формулировку корректно применять для массовой продукции средневековья. Хотя можно говорить о том, что определенные варианты декора характерны для определенного региона.

¹ Л.А. Голубева полагала, что для уток с гладкой головой наиболее характерен орнамент из вертикальных или наклонных полос, однако вариаций декора значительно больше. К примеру, данным подвескам также свойствен зигзагообразный орнамент, встречается и крестообразный [21, рис. 8, 1 – 2; 27, с. 29, рис. 8, 9]. Сочетание гребешков с косорешетчатым орнаментом подмечено исследователем весьма точно [2, с. 23].

За небольшим исключением, данная категория подвесок-птичек отличаются орнаментацией обеих сторон. Несмотря на небольшой набор мотивов, подвески с одинаковым орнаментом на двух сторонах корпуса весьма редки. Л.А. Голубева описывала их следующим образом: «Тулово орнаментировано гладкими или «жгутовыми» рельефными вертикальными, наклонными или косорешетчатыми полосками» [8, с. 23]. Иногда эти полосы образуют зигзагообразную линию или перекрещиваются под прямым углом. Хвост чаще всего обозначен прямоугольным выступом или редуцирован.

Одно из наиболее устойчивых сочетаний в оформлении подвесок: орнамент в виде перекрещивающихся диагональных линий (с одной стороны подвески, в оформлении обратной будут присутствовать варианты) и гребешок на голове подвески, переданный выступами. Перекрещивающиеся линии формируют как плотный косорешетчатый орнамент, так отдельно стоящие крестообразные фигуры. Подвески с таким декором были найдены в Ленинградской [13, табл. 4, 3], Костромской [ГЭ № 1043-482; КИАХМЗ № 15454-44, 15467-12; 19, табл. 4, 4], Ярославской [1, с. 68] и Вологодской областях [16, табл. XXV, 19; 29, № 676]. Однако пропорции и детали корпуса в этих подвесках различаются.

В некоторых случаях перекрещивающиеся линии расположены так плотно, что отчетливо прочитывается лишь ряд верхних полос [7, рис. 12, 9]. В качестве самостоятельного орнамента близко расположенные диагональные или вертикальные полосы характерны для подвесок, происходящих с территории Волго-Камья. Известны находки из Билярска [31, pl. II, 23], Выжумского II [3, рис. 26, 5] и Котловского могильников [20, табл. 12, 23; табл. 18, 25], д. Чазева [28, табл. XXII, 6], д. Хутор [16, рис. 83, 9], бывшего Глазовского уезда [8, табл. 7, 10] и др.

Гребешок на головах подвесок часто передается не только выступом с зубчатым краем, но и рельефной полосой, напоминающей перевитый жгут. Подобный прием также встречается в единичных подвесках из Приладожья [5, табл. 3, 1] и Костромских курганов [КИАХМЗ № 15474-89; 25, табл. V, 4, 6, 8, 9], Билярска [31, pl. II, 23] и Северной Швеции [30, fig. 2b]. Такой рельеф часто проходит и вдоль всего верхнего края подвесок, за исключением участка, где располагается петля для подвешивания. Жгутообразная полоса часто маркирует заднюю часть подвески, даже если гребешок передан зубчатым выступом. Орнаментальная полоса в небольших подвесках из Костромских курганов трансформировалась во второй хвост. Корпус изделий оканчивается прямоугольным выступом, на котором углубленными продольными линиями обозначено оперение. Однако эта деталь, вероятно, не воспринималась как изображение хвоста, так как рядом с петлей для подвешивания изображен небольшой хвост с зубчатым краем [КИАХМЗ № 15467-5,6], [26, с. 103, табл. VI, 4, 5].

Хотя еще в работе Д.Н. Анучина конца XIX в. непрорезные пластинчатые подвески были обозначены как курочки и петушки [1], в литературе для данной

категории изделий часто встречается определение «уточка» [8], [9]. Согласно определению И.Б. Савинич,¹ подвески изображают не только домашних птиц отряда куриных (куриц, петухов), но и диких (перепелок и др.). Как изображения семейства утиных могут быть интерпретированы лишь несколько подвесок. Находки происходят из Билярска [31, pl. II, 25], Рождественского могильника в Прикамье [4, рис. 189, 12] и Мининского II могильника на Кубенском озере [9, с. 133, рис. 121, 7]. Изделия отличаются выпяченной грудью, прямой пластинчатый клюв и отсутствие гребешка на голове. Однако пропорции и орнаментация у каждого изделия индивидуальны. И.Б. Савинич предположила, что подвески изображают птиц разных родов – соответственно утку, казарку и гуся, возможно, дикого. Конечно, биологическое определение может быть лишь условно применено к археологическим реалиям. Однако оно отнюдь не безынтересно, очевидно, что в XI – XII вв. в бестиарии лесной зоны Восточной Европы происходят существенные изменения. Изображение водоплавающей птицы в мелкой пластике трансформируется, отходит от «канонического» образа «уточки», устойчиво ассоциирующегося с мифом о сотворении мира, известном у различных финно-угорских народов.

На подвеске-«уточке» из Билярска [31, pl. II, 25] присутствует орнамент в виде треугольной фигуры, аналогичный встречается на полых подвесках (тип XVIII вариант 1, по Е.А. Рябинину). Последние были распространены в основном в культуре средневекового населения Приладожья в X – XI вв. Единичные находки были зафиксированы на территории Волго-Камья. По всей вероятности, билярская подвеска является плоскостным вариантом данных украшений. Ряд пластинчатых подвесок, изображающих куриных, также имеют подтреугольный орнамент. Изделия из Новгорода и Белоозера украшены двумя подтреугольными фигурами [10, рис. 67, 14; 24, рис. 3, 3], подвеска из кузнецовских курганов – тремя [12, с. 249, рис. 1, 3]. Вероятно, в этих изделиях такой декор уже не ассоциировался с изображением крыла, а превратился в орнаментальный мотив наряду с зигзагом, диагональными линиями и др.

На подвеске из Рождественского могильника [4, с. 454, рис. 189], [12] присутствуют рельефные полосы на шее и хвосте. Подобный орнамент, как и в случае с билярской подвеской, отсылает к более ранним изобразительным приемам. На корпусе полых подвесок IX – X вв. из Прикамья [14, с. 133, рис. 56], [10; с. 151, рис. 74, 4] хвост также выделен диагональными насечками.

Находка из Минино II [9, с. 133, рис. 121, 7] орнаментальных рудиментов не содержит, но существенно отличается орнаментом и формой корпуса. По центру туловища проходит горизонтальная линия, разделяющая его на два яруса. На нижнем – три

рельефные вертикальные линии; верхний без рельефного орнамента, в его центре (под петлей для подвешивания) – овальное отверстие, которое, согласно описанию И.Е. Зайцевой, было пробито уже в готовом изделии. Шея и грудь «гуся» с одной стороны украшены четырьмя горизонтальными полосками, а с другой – тремя горизонтальными и одной вертикальной. Орнаментация шеи горизонтальными полосками для непрорезных орнитоморфных подвесок весьма характерна, но на данном изделии расстояние между полосами больше. Обращает на себя внимание эллипсоидная форма корпуса. Как отмечала И.Е. Зайцева, подвеска «сделана по оттиску готового изделия» [9, с. 134], что предполагает бытование похожих украшений. В схожей манере выполнена находка из Белоозера [10, рис. 67, 16]. Эллипсоидный корпус разделен горизонтальной линией на два пояса: верхний состоит из зигзагообразной линии, нижний, как и на мининской подвеске, из вертикальных линий. Однако подвеска изображает «курочку»: на голове обозначен гребешок, нет изгиба шеи, характерного для изображения водоплавающих.

Подвески содержат набор приемов, характерных для зооморфной и орнитоморфной пластики начала II тыс. н.э., как Северо-Восточной Руси, так и Прикамья. Полосы, декорирующие тело подвесок, довольно часто покрыты мелкими насечками. Вероятно, имело место подражание наборной технике литья, в которой выполнялись волжско-финские подвески. Пояски, заполненные косорешетчатым [8, с. 101, табл. 15, 9] и зигзагообразным орнаментом [25, с. 119, табл. XXII, 1-3, 6] или состоящие из вертикальных линий [25, с. 119, табл. XXIV, 6], встречаются также на полых подвесках XII – XIV вв.

Манера изображения клюва и гребня находит аналоги в полых орнитоморфных подвесках, как Приладожья и Верхнего Поволжья, так и Приуралья [4, рис. 204, 20, 21; 11, рис. 4, 2, 4, 5; 28, табл. X, 1, 2]. С подвесками родановской, чепецкой и вымской культур пластинчатые непрорезные подвески также роднит декорирование шеи рельефными полосами, не свойственное древнерусским экземплярам.

Использование жгутообразной полосы характерно не только для изображения гребня на пластинчатых орнитоморфных подвесках, но и гривы на полых зооморфных украшениях. На ряде коньковых подвесок подобная рельефная линия проходит вдоль всего корпуса так же, как и на пластинчатых птичках [25, табл. XXI], [6, табл. XXII, 3, 4].

Е.А. Рябинин рассматривал непрорезные пластинчатые орнитоморфные подвески в качестве северо-восточного типа, отмечая, что находки из северо-западных земель Древней Руси скорее говорят о направлении торговых связей, чем о местном производстве [26]. Основная масса непрорезных орнитоморфных подвесок Северной Руси схожа с материалами Верхнего Поволжья, считающегося основным центром производства изделий. Однако здесь возникают собственные разновидности украшений, как например, подвески с эллипсоидным корпусом, о которых говорилось выше. Находка, происходящая

¹ Автор выражает благодарность старшему преподавателю кафедры зоологии позвоночных СПбГУ Ирине Борисовне Савинич за консультацию и определения.

из памятника в бассейне Средней Шексны, также свидетельствует о попытках внести изменения в форму корпуса. Хотя у изделия весьма типичная форма головы и орнамент, нижняя часть корпуса слегка изогнута, хвост загнут вверх, а петли смещены вперед [15, с. 61, рис. 2, 16].

Любопытную адаптацию к местным вкусам иллюстрирует подвеска из Юго-Восточного Приладожья [13, табл. 4, 3]. Хвост находки изображен колечком из трех витков, как на полых орнитоморфных подвесках, распространенных в регионе [25, табл. XVIII, 7 – 13].

Отличным от древнерусских изделий образом решена подвеска из Мало-Аниковского могильника в Прикамье [22, № 194]. Находка обладает более плавными очертаниями, она орнаментирована иным способом: полосы с насечками обозначены неглубокими линиями, но как и в древнерусских изделиях они проходят по периметру изделия, на самом туловище также присутствуют вертикальные полосы с насечками. Вероятно, мало-аниковская подвеска появилась в результате копирования украшения, напоминающего изделия из кургана у д. Иворова в Костромском Поволжье [25, табл. V, 7] или Вельского краеведческого музея [6, № 17, 21].

Непрорезные пластинчатые подвески были востребованы на обширной территории от Приладожья до Прикамья. Но широкий ареал распространения имеют не только новые образы, но и изобразительные приемы, подчас маркирующие различные категории подвесок. Изобразительные традиции XI – XIII вв. населения различных регионов лесной зоны Восточной Европы весьма восприимчивы к взаимовлиянию. В то же время региональная специфика прочитывается как в выборе орнаментальных мотивов для орнитоморфных подвесок, так и в изменении конфигурации корпуса.

Источники и литература

1. Антипина, Е.Е. Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия / [Е.Е. Антипина и др.]; авт.-сост.: А. В. Энговатова. – М., 2012.
2. Анучин, Д.Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах / Д.Н. Анучин // МАВГР. Т. III. – М., 1899.
3. Архипов, А.Г. Марийцы XII – XIII вв. / Г.А. Архипов. – Йошкар-Ола, 1986.
4. Белавин, А.М. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. – Пермь, 2008.
5. Бранденбург, Н.Е. Курганы Южного Приладожья / Н.Е. Бранденбург // Материалы по археологии России. – № 18. – СПб., 1895.
6. Вельский краеведческий музей имени В.Ф. Кулакова: альбом-путеводитель / изд. сост.: С.В. Митурич. – М., 2012.
7. Голубева, Л.А. Археологические памятники веси на Белом озере / Л.А. Голубева // Советская археология. – 1962. – № 3. – С. 53 – 77.
8. Голубева, Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / Л.А. Голубева. – М., 1979.
9. Зайцева, И.Е. Изделия из цветных металлов / И.Е. Зайцева // Археология севернорусской деревни X – XIII веков. – Т. 2. – М., 2008. – С. 57 – 142.
10. Захаров, С.Д. Древнерусский город Белоозеро / С.Д. Захаров. – М., 2004.
11. Истомина, Т.В. Комплекс погребения 37 Чептыгского могильника / Т.В. Истомина // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1992. – С. 127 – 136.
12. Киселев, С.В. Кузнецовские курганы / С.В. Киселев // Советская археология. – 1936. – № 1. – С. 247 – 253.
13. Кочкуркина, С.И. Юго-Восточное Приладожье в XI – XIII вв. / С.И. Кочкуркина. – Л., 1973.
14. Крыласова, Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова. – Пермь, 2001.
15. Кудряшов, А.В. Финно-угорское население Средней Шексны в IX – XI вв. / А.В. Кудряшов // Вепсы: история, культура, современность. – Вологда, 2006. – С. 47 – 62.
16. Макаров, Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X – XV вв. / Л.Д. Макаров. – Ижевск, 2001.
17. Макаров, Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв. / Н.А. Макаров. – М., 1997.
18. Макаров, Н.А. Население русского севера в XI – XIII вв. / Н.А. Макаров. – М., 1990.
19. Нефедов, Ф.Д. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии / Ф.Д. Нефедов // МАВГР. – Т. III. – М., 1899. – С. 161 – 236.
20. Нефедов, Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, проведенных летом 1893 и 1894 гг. / Ф.Д. Нефедов // МАВГР. – Т. III. – М., 1899. – С. 42 – 74.
21. Никитинский, И.Ф. Погребения XII в. в селе Кубенском / И.Ф. Никитинский // Европейский север России: традиции и модернизационные процессы. – Ч. 1. – Вологда-Молочное, 2006. – С. 31 – 39.
22. Оборин, В.А. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль / В.А. Оборин, Г.Н. Чагин. – Пермь, 1988.
23. Первухин, Н.Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии / Н.Г. Первухин // МАВГР. – Т. II. – М., 1896. – С. 13 – 127.
24. Покровская, Л.В. Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным) / Л.В. Покровская // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. – Ч. 1. – Екатеринбург, 2009. – С. 37 – 47.
25. Рябинин, Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X – XIV вв. / Е.А. Рябинин. – Л., 1981.
26. Рябинин, Е.А. Зооморфные украшения Костромского Поволжья / Е.А. Рябинин // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1975. – Вып. 144. – С. 35 – 39.
27. Седова, М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода / М.В. Седова. – М., 1981.
28. Спицын, А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых / А.А. Спицын // Материалы по археологии России. – СПб., 1902. – № 26.
29. Aspelin, J.R. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. – II. L'Age Du Fer / J.R. Aspelin. – Helsingfors, 1877.
30. Serning, I. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna / I. Serning. – Uppsala, 1956.
31. Tallgren, A.M. Collection Zauoussailov Au Musee National De Finlande A Helsingfors. – II. / A.M. Tallgren. – Helsingfors, 1918.

Список сокращений

ГЭ – Государственный Эрмитаж.
 КИАХМЗ – Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
 МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России.